

МИЛЛИОН АЛЫХ РОЗ. НО ВЧЕРА

Известия. — 1994. — 12 февр. — с. 7.

Ирина ЛИТВИНОВА, «Известия»

12 февраля в Москве на открытии латышской школы выступит детский ансамбль из Риги «Кукушечка». Это хороший повод встретиться с композитором Раймондом ПАУЛСОМ, который вместе с ансамблем подготовил новую программу.

В начале беседы мы обсудили нюанс, как вас теперь называть. Раймонд Вольдемарович? Отчество в Латвии не принято. Господин Паулс? Непривычно для миллионов старых поклонников. Маэстро? Вот на этом последнем слове и сошлись.

— Маэстро, нас разделили границы, но симпатии не подвластны таможенным досмотрам. Как вам работается, живется сегодня?

— Сегодня нет тех оборотов, что были в 60–70-е годы, того бешеного темпа, когда я работал с русскими звездами и многое удавалось сделать. Меньше музыки стало в моей жизни не только из-за министерского портфеля... Хотя я, конечно, пишу. Вместе с двумя латышскими музыкантами заканчиваю работу над инструментальным компакт-диском, который будет издан в Швеции.

Правда, теперь под любой проект надо вначале найти деньги. Мне проще: помогает мия, но как трудно пробиться молодым музыкантам, нужен не только талант, но и деньги.

Недавно я сделал новую программу с детским ансамблем «Дзегузите» — «Кукушечка». Помните, они пели популярную «Дедушка с бабушкой...»? Пришло уже третье или четвертое поколение детей в эту группу. 12 февраля мы с «Кукушечкой» будем выступать в Москве на открытии латышской школы.

— В Ригу приезжает сейчас немало российских певцов, вы не бываете на их концертах?

— Почти нет. Я предпочитаю пойти на гастроли хороших российских театров, которые к нам приезжают: вот был Юрский, приезжал Театр им. Моссовета — это класс. В эстрадном жанре, как бы мы хотели или не хотели в этом признаться, пока никто не может — ни в Латвии, ни в России — выйти достойно на мировой или европейский уровень. Это мое твердое убеждение.

— Вы отрекаетесь от искусства, которое принесло вам известность?

— Так бы я вопрос не ставил. Это моя биография, я имел большой успех в то время, когда выступал в Москве, Ленинграде. Не могу сказать ни одного плохого слова о русской публике — ко мне очень хорошо относились. Но это прошлое. Возможно, подход изменился из-за возраста? Теперь, когда я сижу в зале, я хочу наслаждаться великолепным музыкальным исполнением, мастерством актеров.

У меня были на этой почве конфликты с латышскими театральными труппами. Это наша сегодняшняя трагедия — отсутствие профессионализма. Скажите, ну почему мы должны платить господатию на содержание плохого театра? Только потому, что он называется театр? Это был один из моих главных конфликтов на посту министра культуры Латвии.

— А как вы вообще решились на такой неожиданный шаг: от рояля к креслу высокопоставленного чиновника?

— Я надеялся, что на посту министра культуры независимой Латвии я смогу что-то сделать — все-таки и вес, и авторитет у меня были. Думал, что смогу что-то перевернуть. Сейчас понимаю, что это были мальчишеские надежды.

Правительство, в которое я вошел, попало в самый тяжелый период: старое рушится, а новое создать тяжело. Люди привыкли к какому-то устоям, а их надо ломать... С какими трудностями мы начали вводить контрактную систему в театрах, других учреждениях культуры, нас столько критиковали! А теперь ясно, что договоры помогают отрегулировать многие вопросы, их подписание с работниками культуры становится нормой.

— Был еще один инцидент в ваше «министерское время» — с молодежным театром под руководством Адольфа Шапи-

ро. Конфликт вышел за пределы Латвии. Спустя время, как вы оцениваете эту историю, закончившуюся закрытием театра, отъездом Шапи-

ро. Если трезво сейчас все взвесить, то я остаюсь, пожалуй, на своей позиции. Да, Шапиро республике был нужен, я признаю это. У нас с ним как с режиссером ссор не было. Вопрос был в другом: я предложил театру новые организационные основы, а они их не приняли. Конфликт в результате закончился скандалом. Говорят, что я уничтожил театр Шапиро. Это не так, говорю это положу руку на сердце.

— Министерский портфель принес вам немало и других проблем. Вы подали в отставку — хотя вам предложили место и в нынешнем составе кабинета — и вдруг снова принимаете предложение: стать советником президента Улманиса по вопросам культуры. Мотивы?

— Я считаю, что занимаюсь в новой должности творчеством. От самого страшного — делить деньги, которых на культуру не хватает, — я освобожден. Но повлиять на какие-то процессы, привлечь к ним внимание главы государства я могу. Его вмешательство, поддержка зачастую просто необходимы. 26 февраля, к примеру, мы организуем большую программу вручения премий за музыкальные события года. Событием в прошлом году, к примеру, стало исполнение симфонии Густава Малера Латвийским симфоническим оркестром. Победа латвийского пианиста на международном конкурсе. Запись новых произведений для хора. Достижения эстрадных певцов. В музыке нам есть чем гордиться.

— Маэстро, значит, новое занятие не принесло разлад в вашу душу, вы находите в согласии с самим собой?

— Всю жизнь считал, что во мне объединяются и творческое начало, какие-то задатки и чисто организаторские. Я ведь столько всего придумывал, начинал, создавал — программы, творческие коллективы... Сколько солистов когда-то привел из самостоятельности на большую сцену. Только «спасибо», правда, никто не сказал.

— А с российскими звездами поддерживаете контакты?

— Почти никаких. И в этом нет увязки с «национальным вопросом». Не хочу больше крутиться в мире эстрады, особенно в нынешнем. Многого не понимаю: манер, поступков, мотивов. Певцы с телохранителями — к чему?

— Вы были на гастролях в Соединенных Штатах, выступали в других странах, не собираетесь с гастролями в Россию?

— Признаюсь, если бы принимал концертные предложения, которые продолжали поступать в эти годы, я стал бы очень богатым человеком. До сих пор звонят и предлагают большие деньги просто за то, чтобы я вышел на сцену. Действует старая слава. Но я отказываюсь.

— Маэстро не нужны деньги?

— Нужны. Ведь материально я потерял все: Россия меня кормила — это нельзя отрицать. Авторские отчисления за мои песни — а они где только ни исполнялись — позволяли не думать о заработках: их более чем хватало на вполне приличную жизнь. Сейчас, если говорить откровенно, я должен работать еще и потому, что надо кормить семью: вы же знаете, сколько приходится у нас платить за газ, электричество — по мировым ценам. Значит, и зарабатывать надо соответственно. Я не нищий, но материальное положение, конечно, уже не то, что было раньше, во времена «алых роз».

— Маэстро, в те годы почти никто не сомневался, что «у Паулса с Пугачевой роман». Как реагировала на эти слухи ваша жена?

— Мы с женой вместе уже 32 года, если бы что-то должно было сломаться в наших отношениях, это бы давно произошло.

— В Латвии известно, что ваша жена очень помогла вам в молодости, когда «у Паулса были проблемы».

— Не «проблемы» — один шаг был до пропасти, с водкой шутят только до определенной черты. Лана мне очень помогла тогда. Вся жизнь она — как бы в тени, но тянет немало. Сейчас, например, на ней все заботы о нашей внучке Анне-Марии, которая живет с нами. Ей четыре с половиной года, и, конечно, хлопот хватает.

— Если есть свободное время, как вы его проводите, где отдыхаете?

— Его совсем немного — свободного. Пришлось отложить и рыбалку, и другие хобби — перестраиваю загородный дом, в который хочу к концу года переехать с семьей. Раньше все заботы о доме были на отце, который в нем жил, но сейчас он уже очень стар, болеет. Так что беру инструменты в руки и — за работу. Дом не дает скучать.

На снимке: Раймонд Паулс с внучкой Анне-Марией.

Фото
Бориса КОЛЕСНИКОВА.